
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ: ИЗУЧАЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ УНИВЕРСУМ

С.В. Иванова

Башкирский государственный университет
ул. Коммунистическая, 19, Уфа, Россия, 450074

Одна из парадоксальных закономерностей развития науки о языке заключается в том, что идеи новых нарождающихся и впоследствии широко востребованных направлений лингвистических исследований произрастают из концепций и подходов, первоначально совершенно не поддерживающих или, более того, полностью отвергавших эти идеи.

Языковое значение, будучи изгоем лингвистического анализа в рамках структурной лингвистики, не только с триумфом вернулось в лоно науки о языке в качестве объекта исследования, но и привело за собой то, что его порождает: человека говорящего, сделав *homo loquens* «мерой всей вещей» в лингвистическом описании.

Действительно, доминирующая в настоящее время на языковедческом фронте антропологическая парадигма возникла как реакция на господствовавшую до этого структуралистскую концепцию или, иначе говоря, вслед лингвистике, жестко ограничивавшей себя рамками изучения структурных единиц языковой системы. Однако осознание того, что язык представляет собой гибкий и тонкий инструмент коммуникации, служащий человеку и для человека, и образует пространство, в пределах которого не только находит отражение, но и проходит жизнь человеческого сообщества, то есть сообщества как лингвистически, так и культурологически объединенного, заставило лингвистов выйти за пределы структурно-системной парадигмы. Именно эта сторона функционирования языка — обслуживание коммуникативных нужд лингвокультурного сообщества, так же как и вербализация его ценностных векторов, трансляция смыслов, передача особенностей менталитета, — составляющая предмет лингвокультурологических исследований, стала приоритетной в языкознании конца XX — начала XXI в. Более того, в силу многогранности и глубины данного предмета исследования он остается главенствующим в лингвистике и в настоящее время.

В связи с тем что проблематика статей, объединенных в данном сборнике, напрямую связана с описанием лингвокультурного взаимодействия, хотелось бы рассмотреть их на фоне современных достижений лингвокультурологической парадигмы, поместив в широкий и многофактурный контекст лингвокультурологических изысканий. Данный контекст обусловлен сопряжением концепций, парадигм и дисциплин, что в рамках изучения взаимодействия языка и культуры стало первопричиной появления таких объектов исследования, как культурный концепт, языковая личность, коммуникативное поведение, лингвокультурный код, культурные коды, культурная коннотация, этнокультурный дискурс, социо-, лингво- и культурная компетенция и т.п.

В настоящее время лингвокультурология представляет собой интенсивно развивающееся направление, объединяющее широкий фронт исследований, сфокусированных на «изучение и описание корреспонденции языка и культуры в синхронном их взаимодействии» [Телия 1998: 217]. Исследовательские векторы работ, выполняемых в русле лингвокультурологической парадигмы, выводят в широкое пространство научной мысли, направленной на изучение «лингво-культурного семиозиса» [Лотман 1999: 164].

Изначально развитие лингвокультурологии было связано с несколькими концептуальными направлениями лингвистической мысли, достижения которых позволили таким образом развернуть научный поиск, что в рамках лингвокультурологической проблематики были поставлены вопросы, соотносящиеся с самыми разными аспектами взаимодействия языка и культуры. Трехакторная модель лингвокультурологии, которая объединяет ЯЗЫК—ЛИЧНОСТЬ—КУЛЬТУРУ, в настоящее время позволяет исследователям ставить такого рода задачи, которые расширяют поле лингвокультурологии от лингвокультуры до пространства лингвокультурного универсума. Данное расширение происходит за счет подключения к обозначенной выше триаде дополнительных опорных точек, в качестве которых выступают ЭТНОС, КОММУНИКАЦИЯ, СОЗНАНИЕ. В результате в современном прочтении лингвокультурология выступает как «научная дисциплина, изучающая (а) способы и средства репрезентации в языке объектов культуры, (б) особенности представления в языке менталитета того или иного народа, (в) закономерности отображения в семантике языковых единиц ценностно-смысловых категорий культуры» [Алефиренко 2010: 29].

Понимание лингвокультурологии как парадигмы, направленной на выявление способов и средств воплощения культуры в содержательной стороне языкового знака [Ковшова 2016: 53], позволяет поставить целую серию вопросов, раскрывающих ее эвристический потенциал.

1. Что следует понимать под культурным содержанием в рамках лингвистического исследования? С какими модусами или, иными словами, составляющими культуры, связано культурное содержание языкового знака?

2. Каким образом в языковом знаке репрезентировано культурное содержание? Что превалирует в языке: национально-культурная специфика или универсалии? Находится ли национально-культурная специфика на периферии языка или составляет его суть?

3. Насколько возможно отразить культурное содержание языкового знака лексикографически? Каковы способы индексации культурной информации?

4. Если принимать во внимание знаковый характер языка и культуры, то на каких основаниях целесообразно проводить кодификацию лингво-культурных знаков?

5. Какие сущности ментального уровня соотносятся с культурным содержанием? Возможна ли структуризация этих ментальных сущностей? Каким образом осуществляется вербализация сущностей культурного и ментального уровней?

6. Существуют ли особые лингвокультурологические категории, соотносящиеся с описанием языкового знака в связи с его отнесенностью к культуре?

7. Существуют ли особые методы анализа, которые позволяют выявить культурное содержание в языковом знаке?

8. Каким образом соотносится с коммуникативным поведением ментальный уровень, связанный с культурно-ценностными установками? Является ли коммуникативное поведение индивидуальной особенностью личности или существуют особенности коммуникативного поведения представителей лингвокультурного сообщества?

9. Какие лингвистические парадигмы наиболее тесно связаны с описанием лингвокультурного взаимодействия? Возможно ли и продуктивно ли проводить описание интеракции культуры и языка в рамках других направлений лингвистического анализа или такое описание должно быть сосредоточено в рамках лингвокультурологической парадигмы?

Все перечисленные выше вопросы логично укладываются в те направления, которые активно разрабатываются в рамках лингвокультурологических штудий или которые составляют точки пересечения лингвокультурологии и сопряженных с нею других языковедческих парадигм.

Изучение корреспонденций языка и культуры прежде всего требует уточнения исходного понятия культуры. Многообразие подходов к этой проблеме сводится к семи основным концепциям определения культуры, шесть из которых были обозначены американскими антропологами А. Кребером и К. Клакхоном [Kroeber, Kluckhohn 1952] еще в 50-е гг. XX в. и впоследствии дополнены выделенным позже семиотическим подходом [Иванова 2004б: 10—11]. Суммарное прочтение данных интерпретаций культуры сводится к ее истолкованию как трансляции ценностной информации, передающейся последующим поколениям небиологическим путем. В конечном итоге наполнение культуры определяется ее тремя составляющими: (1) цивилизационной, которая связана с прохождением обществом различных стадий технического и технологического прогресса, (2) социально-психологической, которая раскрывается через особенности проявления нравственности, и (3) модусной, указывающей на способы освоения действительности [Иванова 2004а: 16]. Соответственно, культурное содержание языкового знака может быть идентифицировано как попадающее под одну из приведенных выше составляющих.

Определение культурного содержания выводит на значительное количество исследований, посвященных тому, *каким образом* это культурное содержание передается в языковом знаке и в *какой части* языкового знака оно локализуется. С одной стороны, культурное содержание ищут в языковом знаке, соотнося его с различными аспектами значения или со смыслами, которые передаются в речи при употреблении языковой единицы [Иванова, Чанышева 2010: 193]. С другой стороны, культурное содержание обнаруживают в ментальных сущностях. К таковым относят концепты, составляющие концептосферу, фреймы, сценарии, гештальты, стереотипы.

Среди всех культураносных и культурозначимых ментальных сущностей в настоящее время наибольшую исследовательскую распространенность получил концепт [Тер-Минасова 2007: 36—38]. «Основная ячейка культуры в ментальном

мире человека» [Степанов 2001: 43], концепт является образованием двойной природы: он принадлежит ментальному миру и миру культуры. Соответственно, концепт обладает достаточной эвристической силой, обеспечивая выход на концептосферу социума, с одной стороны, и фиксируя коллективный опыт и делая его достоянием индивида, таким образом проливая свет на индивидуальное сознание, с другой [Карасик 2002: 137—141; Прохоров 2011: 24].

Теория концепта, типология концептов — все это выросло, в конечном итоге, в отдельное направление, изучающее концепты как национально-детерминированные информационные структуры сознания [Прохоров 2011: 28], как носители «ценностной культурной информации, которая имеет невербальное воплощение, обладает определенной внутренней организацией... отличается определенной динамикой формирования и эволюционирования благодаря различным формам переживания и осмысления мира, способностью накапливать информацию, а также способностью к вербальному преобразованию посредством некоего множества языковых знаков» [Зыкова 2014: 14]. Именно концептологии в ее части, касающейся культурного и лингвокультурного концепта, посвящена глубокая аналитическая и полемически заостренная статья *С.Г. Воркачева* (Краснодар, Россия) «*Ex Pluribus Unum: лингвокультурный концепт как синтезное образование*».

Видный отечественный лингвокультуролог и лингвокогнитолог подчеркивает несомненный эвристический потенциал концепта как «синтезного ментально-вербального образования». Вместе с тем автор отмечает, что суровая критика, которой подвергается как сам термин «концепт», так и дисциплина «концептология», обусловлены идеологическими позициями противников идеи этноспецифичности языка и культуры. Безусловно заслуживающим внимания является вывод *С.Г. Воркачева* о том, что сверхзадачей лингвоконцептологии является «установление структуры этнического менталитета носителей определенной лингвокультуры и его концептуального наполнения».

Попыткой раскрыть особенности менталитета этноса через описание конкретного концепта является статья *П.Г. Логиновой* (Москва, Россия) «Лингвокультурный концепт „вино“ в языковом сознании французов». На материале паремий французского языка, имеющих отношение к лингвокультурной сфере «виноделие», в работе раскрываются некоторые элементы национальной культуры французского народа. Отражая французскую культуру, изучаемые паремии раскрывают своеобразие языкового развития, условия жизни и быта народа.

Хотя отношения между языком и культурной идентичностью говорящего на нем индивида неоднозначны, язык является чувствительным индикатором отношений между человеком и лингвокультурным сообществом, которому он принадлежит [Kramsch 1998: 77]. Рассмотрение особенностей индивидуального сознания составляет предмет лингвоперсонологии, такого направления лингвокультурологических исследований, которое связано с изучением лингвокультурных особенностей проявления отдельной личности или идентичности [Карасик 2015: 157], с анализом лингвокультурных типажей. В основе данного направления лежит теория языковой личности *Ю.Н. Караулова* [Караулов 1987], которая широко используется как в лингвокультурологии, так и в лингводидактике.

Наряду с описанием отдельной личности лингвокультурологические изыскания касаются описания всего лингвокультурного сообщества. В этом плане интерес представляют разные параметры его лингвокультурологического портретирования: коммуникативное поведение, языковое сознание, языковая картина и модель мира [Гладкова 2010; Зализняк, Левонтина, Шмелев 2012; Корнилов 2003; Wierzbicka 2003, 2006 и др.]. Языковая картина мира, которая понимается как «многомерная система образов, представлений, знаний, существующая в сознании как отдельной языковой личности, так и социальной группы, этноса в целом, которому эта личность принадлежит» [Ковшова 2016: 63], реконструируется за счет анализа разнообразных вербальных проявлений, «овнешняющих» культурное содержание. Именно в этом ключе проведено исследование *К.Э. Болотиной* (Москва, Россия).

В статье «Прецедентные феномены в языковой картине мира квебекцев» автор останавливается на прецедентных текстах, именах, высказываниях и ситуациях, которые образуют культурное пространство жителей данной канадской провинции, отражая особенности их менталитета и значимые этапы исторического развития.

Этнокультурный дискурс ярко раскрывается в коммуникативном поведении представителей лингвокультурного сообщества [Larina 2015: 204—208], поскольку анализ коммуникативного поведения позволяет описать широкий историко-культурный контекст [Прохоров, Стернин 2006: 35]. Соответственно, анализ коммуникативного поведения может пролить свет на особенности менталитета и ценностные ориентиры определяющие речеповеденческие нормы представителей различных лингвокультурных общностей [Ларина 2009, 2013; Леонтович 2005; Kecskes 2014; Leech 2014; Leech, Larina 2014; Wierzbicka 2003, 2006 и многие др.]. Именно эта задача решается *Е.К. Черничкиной* и *О.В. Луновой* (Волгоград, Россия) в статье «Псевдокоммуникация vs квазикоммуникация в русской и английской лингвокультурах». Строгость методологии и тщательность выполнения аналитической процедуры позволяет авторам описать оба вида фиктивной коммуникации, объединенных параметром смысловой выхолощенности.

Одним из важнейших направлений в лингвокультурологии является уточнение ее понятийного и методологического аппарата, поскольку наличие строго постулированной концептуальной основы и дефинированного категориального аппарата представляет собой одно из солидных свидетельств полноценного существования научной парадигмы. Сложность, которую испытывают ученые при формировании методологической базы этой науки, связана с разночтением лингвистов в трактовках языка и культуры, существованием смежных парадигм, терминология которых повлияла на выбор лингвокультурологов [Комарова 2012: 535—537], а также относительной молодостью данной дисциплины.

При выделении лингвокультурологических категорий многие исследователи сходятся во мнении о существовании категории «свой—чужой». Как отмечает акад. Ю.С. Степанов, различие по линии «свой—чужие» относится к древнейшим архетипическим представлениям человека [Степанов 2001: 135—143]. Более того, «это противопоставление, в разных видах, пронизывает всю культуру и является

одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» [Степанов 2001: 126]. Соответственно, категория «свой—чужой» может в полной мере претендовать на статус базовой культурологической категории, отвечающей за категоризацию действительности по принципу принадлежности существующих объектов к своей личной сфере, то есть себе самому или своему личному пространству, как физическому, так и ментальному, или выходящему за рамки данного пространства [Иванова 2010: 120].

Оппозиция «свой—чужой» лежит в основе процесса стереотипизации при демонизации образа России западными СМИ. Именно этот пример вербального выражения стереотипного мышления подвергает анализу *Т.А. Фоменко* (Коломна, Россия) в статье «Образ врага как стереотип мышления». Поставленная к решению задача достигается автором в результате использования лингвокультурологического анализа, нацеленного на описание культуросферы «сквозь призму языка и дискурса и культурного фона коммуникативного пространства» [Красных 2002: 13].

Исследовательское поле лингвокультурологии неизбежно пересекается с другими смежными языковедческими направлениями, которые также ставят вопросы изучения лингвокультурного взаимодействия сквозь призму своей методологии и проблематики. Одной из таких дисциплин является теория перевода. Так, в статье *П.С. Тасенко, Н.Ю. Нелюбовой и В.И. Еришова* (Москва, Россия) «Использование приема адаптации при переводе текстов художественной литературы (на примере перевода на русский язык романов „Дама с камелиями“ и „Грозовой перевал“») анализу подвергаются лексические трансформации в процессе перевода. Проведенное исследование подтверждает, что в переводе оригинального художественного текста реализация эстетической функции за счет сохранения художественного стиля не менее важна, чем передача информации текста.

С другой стороны, лингвокультурология тесно соприкасается с сопоставительным и сравнительным языкознанием. Как отмечает *В.Г. Гак*, «практически нет ни одного лингвистического метода, ни одной современной языковедческой теории, которую не попытались бы поставить на службу сопоставительному изучению языка, использовать в контрастивных целях» [Гак 1989: 15].

В то же время и сопоставительная и контрастивная лингвистика обильно используются лингвокультурологами. Более того, они выступают с тезисом о необходимости развития сопоставительной лингвокультурологии. Сопоставительный аспект представлен в трех статьях данного журнала. В статье *Ж. Багана и Е.С. Яковлевой* (Белгород, Россия) «Национально-культурные особенности лексем „кошка“ и „собака“ на материале английского и китайского языков» раскрывается национально-культурная специфика обозначенных выше лексем. Авторы привлекают анализ фразеологических единиц, на основании которого они выделяют культурно-значимые смыслы, представляющие наибольшую трудность в процессе межкультурной коммуникации.

Статья *К.Г. Егоровой и Ан Сан Чоль* (Якутск, Россия) «Усечения в корейском интернет-языке» сфокусирована на анализе интернет-коммуникации как новой формы общения. Авторы делают несколько весьма важных выводов, касающихся

механизмов усечения в процессе интернет-коммуникации. Одним из таких регуляторов в глобальной сети выступает смысл, что еще раз подчеркивает всеобъемлющий характер данного феномена речи.

А.А. Смирнитская (Москва, Россия) в статье «Семантика терминов родства в тамильском языке с точки зрения типологии семантических переходов» выявляет специфику бифуркативной системы родственных терминов. Полученные данные о семантических переходах чрезвычайно важны при составлении толковых и переводных словарей, в антропологических исследованиях, а также для реконструкции значения в сравнительно-историческом языкознании. Нельзя не согласиться с автором в том, что системное понимание семантических связей в лексике родства позволяет пролить свет на концептуальное пространство культуры.

Обзор подборки статей «Вестника» на фоне обращения к основополагающим проблемным зонам лингвокультурологии убеждает в несомненности ее достижений. Те рубежи, на которые она вышла по истечении двадцатилетнего срока своего «засвидетельствованного» существования, — это рубежи, которые лингвокультурология как языковедческая парадигма уверенно и прочно заняла методологически, концептуально и эмпирически. В этом плане номер, который Вы держите в руках, полностью укладывается в заданные лингвокультурологической проблематикой рамки и доказывает ее научную состоятельность и востребованность, эвристическую значимость и практическую ценность.

© Дата поступления: 27.05.2016
Дата принятия в печать: 28.05.2016

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Алефиренко Н.Ф. Ценностно-смысловое пространство языка. М.: Флинта: Наука, 2010.
- [2] Гак В.Г. О контрастивной лингвистике // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика. М., 1989. С. 5—17.
- [3] Гладкова А. Русская культурная семантика: Эмоции, ценности, жизненные установки. М.: Языки славянской культуры, 2010. (Язык. Семиотика. Культура).
- [4] Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2012 (Язык. Семиотика. Культура).
- [5] Зыкова И.В. Роль концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурно-языковых знаков: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2014.
- [6] Иванова С.В. Дейктико-аксиологическая природа категории «свой—чужой» // Homo loquens в языке, культуре, познании: сборник научных статей. К 70-летию профессора Р.З. Мурясова / Отв. ред. З.З. Чанышева. Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. С. 120—132.
- [7] Иванова С.В. Лингвокультурологический анализ прагматикона языковой личности. Уфа: РИО БашГУ, 2004(а).
- [8] Иванова С.В. Лингвокультурология и лингвокогнитология: сопряжение парадигм. Уфа: РИО БашГУ, 2004(б).
- [9] Иванова С.В., Чанышева З.З. Лингвокультурология: проблемы, поиски, решения. Уфа: РИЦ БашГУ, 2010.
- [10] Карасик В.И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. Волгоград: Перемена, 2015.
- [11] Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
- [12] Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.

- [13] Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002.
- [14] Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. М.: ЛЕНАНД, 2016.
- [15] Комарова З.И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2012.
- [16] Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд. М.: ЧеРо, 2003.
- [17] Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Языки славянских культур, 2009. (Язык. Семиотика. Культура).
- [18] Ларина Т.В. Англичане и русские: Язык, культура, коммуникация. М.: Языки славянских культур, 2013.
- [19] Леонтович О.А. Парадоксы межкультурного общения. М.: ИТДГК «Гнозис», 2005.
- [20] Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М.: Языки русской культуры, 1999.
- [21] Прохоров Ю.Е. В поисках концепта. Учебное пособие. М.: Флинта, 2011.
- [22] Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. М.: Флинта: Наука, 2006.
- [23] Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2001.
- [24] Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.
- [25] Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики. М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2007.
- [26] Kecskes I. *Intercultural Pragmatics*. Oxford: Oxford University Press, 2014.
- [27] Kramsch C. *Language and Culture*. Oxford University Press, 1998. [X].
- [28] Kroeber A.L., Kluckhohn C. *Culture: A Critical Review of Concepts and Definitions*. Cambridge, Mass., 1952. [VIII].
- [29] Larina T. Culture-Specific Communicative Styles as a Framework for Interpreting Linguistic and Cultural Idiosyncrasies // *International Review of Pragmatics*. 2015. 7. P. 195—215.
- [30] Leech G. *The Pragmatics of Politeness*. Oxford Studies in Sociolinguistics. New York, Oxford: Oxford University Press, 2014. [XVI].
- [31] Leech G., Larina T. Politeness: West and East // *Russian Journal of Linguistics. Vestnik RUDN (former Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia: Linguistics)*. 2014. 4. Pp. 9—34.
- [32] Wierzbicka A. *Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction*. 2-nd edition. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2003. [XXIX].
- [33] Wierzbicka A. *English: Meaning and Culture*. Oxford: Oxford University Press, 2006.

CULTURAL LINGUISTICS: STUDYING LINGUOCULTURAL UNIVERSUM

Svetlana V. Ivanova

Department of English Philology and Cross-Cultural Communication
Faculty of Romance and Germanic Philology Bashkir State University
Kommunisticheskaya str., 19, Ufa, Russia, 450074